

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48647/ICCA.2024.88.60.025

Г.И. Саркисова

«ЖУРНАЛЬНЫЕ СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ» ПРИСТАВА В.К. ИГУМНОВА О СОБЫТИЯХ В ЖИЗНИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII в.

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу «Журнальных секретных записок», написанных в 1794—1795 гг. коллежским секретарем В.К. Игумновым, сопровождавшим 8-ю Российскую духовную миссию в Пекин в качестве пристава. «Журнальные записки» отразили процесс постепенного накопления и уточнения интересного фактического материала из разных областей жизни Цинской империи в конце XVIII в. Их особая ценность связана с последовательной записью событий сразу же по получении о них сведений, источниками которых были совершенно разные люди, встретившиеся В.К. Игумнову по пути следования российской духовной миссии в Пекин и в самой китайской столице. Среди информантов были как сопровождавшие российскую миссию китайские и монгольские приставы, так и католические миссионеры, жившие в Пекине. Известия, полученные от них, подтверждали и дополняли друг друга. Совпадение сведений из разных источников свидетельствовало о высокой степени их подлинности, что является главным критерием значимости этих данных.

Таким образом, Коллегия иностранных дел на основании материалов «Журнальных секретных записок», представленных россий-

ским приставом В.К. Игумновым, получила достоверную информацию о жизни Цинской империи конца XVIII в.: ее внутренних проблемах (эпидемия, подавление восстания народа мяо), внешних контактах (война с Непалом, прием английского и голландского посольств) и о кадровых изменениях в управлении пограничной зоной.

Ключевые слова: «Журнальные секретные записки», пристав Игумнов, Цинская империя, иезуиты, английское посольство, голландское посольство.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

G.I. Sarkisova

“Journal secret notes” of the bailiff V.K. Igumnov about events in the life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century

Abstract. The article is devoted to the source analysis of the “Journal Secret Notes” written in 1794—1795 by the collegiate secretary V.K. Igumnov, who accompanied the 8th Russian Orthodox Mission to Beijing as a bailiff. The “Journal notes” reflected the process of gradual accumulation and clarification of interesting factual material from various areas of life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century. Their special value is associated with the consistent recording of events immediately after receiving information about them from completely different people, whom V.K. Igumnov met along the route of the Russian Orthodox Mission to Beijing and in the Chinese capital itself. Among the informants were both Chinese and Mongolian bailiffs accompanying the Russian mission, as well as Catholic missionaries living in Beijing. The news received from them confirmed and complemented each other. The coincidence of information from different sources indicated a high degree of authenticity, which was the main criterion for the significance of the information.

Thus, the Collegium of Foreign Affairs, based on the materials of the “Journal Secret Notes” presented by the Russian bailiff V.K. Igumnov, received reliable information about the life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century: its internal problems (epidemic, suppression of the uprising of the Miao people), external contacts (war with Nepal, reception of the English and Dutch embassies) and personnel changes in the management of the border zone.

Keywords: secret journal notes, bailiff Igumnov, Qing Empire, Jesuits, English embassy, Dutch embassy.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Российская духовная миссия в Пекине¹ в XVIII в. была одним из главных источников сведений о Китае. Начальники миссий и ученики, направлявшиеся в Пекин Коллегией иностранных дел с миссиями для изучения китайского и маньчжурского языков, в соответствии с ее наставлением должны были отчитываться об увиденных и услышанных «в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах» (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2023, с. 71]), которые формировали действия цинского правительства.

8-я духовная миссия (1794—1807) под началом архимандрита Софрония (Грибовского) находилась в Пекине на рубеже веков: почти половина срока ее пребывания в столице Цинской империи пришлась на конец XVIII в., а вторая половина открыла XIX в.

«Журнальные секретные записки», написанные в 1794—1795 гг. коллежским секретарем В.К. Игумновым², в качестве пристава сопровождавшего 8-ю духовную миссию в Пекин, безусловно, были очень интересны. Они сообщали о событиях уходящего века в жизни Цинской империи. Важная особенность записок заключается в последовательной (иногда даже день за днем: 21, 22 декабря) фиксации событий сразу же по получении о них сведений, источниками которых были совершенно разные люди, встретившиеся В.К. Игумнову по пути следования российской миссии в Пекин и в самой китайской столице. Полученная таким образом одна и та же информация не только сопоставлялась и проверялась, но постепенно и дополнялась новыми фактами от новых информантов. В результате возрастала как степень достоверности сведений, так и их значимость для Коллегии иностранных дел. Данные, содержащиеся в записках, были ценны,

¹ Началом истории Российской духовной миссии в Китае (Пекинской духовной миссии) является апрель 1715 г. или, по другим сведениям, — конец 1715 — начало 1716 г. 5-я статья Кяхтинского договора (1727 г.) закрепила юридический статус миссии.

² Игумнов Василий Константинович (1729?—1803) — один из наиболее ярких представителей династии Игумновых, члены которой несли службу на русско-китайской границе на протяжении всего XVIII в.

поскольку являлись одним из немногочисленных источников об отдаленном от России соседнем государстве. К тому же они были собраны опытным человеком: для пристава В.К. Игумнова эта поездка в качестве сопровождавшего была уже третьей — до этого он ездил с 6-й (1771—1781) и 7-й (1781—1794) миссиями. Таким образом, интерес к «Журнальным секретным запискам» (из фонда «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи) вызван как их фактическим материалом, так и процессом его постепенного накопления и уточнения.

Путь российской миссии от Урги (Куреня) до столицы Цинской империи продолжался с сентября по декабрь 1794 г. В начале путешествия автору записок от монгольского и китайского проводников (приставов) удалось узнать о перенесённой в 1793 г. местным населением эпидемии: «Померло около 2000 человек, более китайцов, а мунгал мало. Были разставлены караулы, чтоб народ не смешивался» [АВПРИ. Ф. Сношение России с Китаем, оп. 62/3, 1794, д. 2, л. 2]. От другого монгольского пристава В. Игумнов получил уточнение о месте вспышки страшной болезни: «У семи озер, где китайцы с мунгалами великой торг производят. От Калгана-города¹ к востоку до тех семи озер разстояния ехать на вьючных верблюдах не более 4-х дней» [АВПРИ, л. 5].

Помимо сведений об эпидемии, российский пристав узнал от китайских и монгольских проводников о происшедшей в 1792 г. войне Цинской империи с народом, названным ими «гачи балбу». Факты из истории этой «баталии», приведенные рассказчиками, свидетельствовали о том, что речь шла о войне с Непалом. О его населении пристав Игумнов получил следующие разъяснения: «Живут в неприступных горах, так что за великими камнями и стремнинами внутрь их земли не только на лошадях доехать, но и пешком едва можно. И они-де с тех гор и утесов стреляют, камень спускают и бегают по камню как дикие козы» [АВПРИ, л. 4—4 об.]. В 1788 г. непальцы вторглись в Тибет и обложили его жителей ежегодной данью. А в 1792 г. из-за прекращения выплаты дани тибетцами они разгромили «великой монастырь, зовомой Даши Бунбу²», где пребывал Панчен-лама³ [АВПРИ,

¹ Калган — город в Северном Китае, через который туда прибывали русские посольства и купцы из Кяхты.

² Речь идет об одном из крупнейших монастырей Тибета — монастыре Ташилунпо, основанном в 1447 г. вблизи г. Шигагце.

³ Панчен-лама — это титул второго (после Далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 799.

л. 6]. Сведения об этой войне, полученные приставом В. Игумновым из разных источников, по его словам, «в подтверждение прежним сказателям», совпали и вместе с тем внесли некоторые дополнительные подробности в историю развития конфликта. Китайский император¹ послал на защиту тибетцев, как отмечено в записках, многочисленное войско: «Кроме-де солон, манжур одних было тысяч 10». Исход военных действий состоял в том, что «более храбрых солонов побито, то есть две трети, а манжур не столько».

В связи с данным обстоятельством заслуживают внимания приведенные Игумновым слова старшины Хуранды Церена о принципах организации китайского войска: «По тому обыкновенно бывает обычай всегда солонов² как довольно храбрых людей ставят наперед, а манжуры бывают позади. Естли солонны пробьют, то манжуры уже за ними следуют и всегда более на свою руку победу относят» [АВПРИ. Л. 5 об.—6 об.]. Борьба двух сторон закончилась подписанием договора в 1792 г., в соответствии с которым Непал стал вассалом Китая [Всемирная история, т. 4, с. 486].

Предметом обсуждения в беседе с китайским приставом стал вопрос и об английском посольстве, пребывавшем в Китае в 1793—1794 гг.³ Источники свидетельствуют о том, что В.К. Игумнов не только знал о готовившемся в Англии посольстве в Китай, но и по императорскому повелению на встрече с ургинскими амбаниями⁴ от имени иркутского губернатора Л.Т. Нагеля сообщил им об этом, а также ответил на их вопросы об Англии и английской торговле, в которой англичане, по его словам, «ищут большего прибытка и стараются, есть ли удастся, под видом торга покарять земли и народ так, как ... в рассуждении Индии» (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2017, с. 378—279]).

При отъезде В.К. Игумнова амбани выразили ему благодарность за сделанное «во осторожность их уведомление» [АВПРИ, оп. 62/3, 1789, д. 1, л. 261]. От своего же собеседника, китайского пристава, В.К. Игумнов получил первые довольно подробные сведения, касавшиеся количественного состава, целей посольства и его результатов. По словам китайского пристава, членов посольства было «всего око-

¹ Имеется в виду император Хун Ли (1711—1799).

² Солонны — этнографическая группа эвенков.

³ Имеется в виду посольство во главе с лордом Джорджем Макартни (Макартнэем) (1737—1806).

⁴ По всей видимости, в конце 1792 — начале 1793 г. Амбань (маньчж.) — вельможа, генерал, министр, чиновник.

ло 100 человек или более». Переводчиком при них был пекинский иезуит, имя которого не было ему известно. Английское посольство было принято китайским императором «ласково» в его летней резиденции в г. Жехэ на северо-востоке от Пекина. Императору были подарены «разныя европейския вещи: две походячия каретки, часы стенные и карманные, другия некоторыя редкости. Напротиву же того от государя в подарок тому послу соответствовано было разными ж шелковыми материями, чаем, фарфоровой посудой и другими мелочами» [АВПРИ, оп. 62/3, 1794, д. 2, л. 2 об.—3.].

Предложения, выдвинутые англичанами, состояли в следующем: «Чтоб в Пекине было дозволено им построить дом, производить коммерцию, оставить навсегда одного агента, учеников и при нем несколько служителей». Относительно результатов английского посольства китайский пристав уверил Игумнова в том, что «за подлинно слышал» об отказе императора англичанам во всех предложенных ими инициативах. Кроме того, он отметил, что на протяжении всего времени пребывания в Пекине и Жехэ (около месяца) за членами посольства был «весьма великой присмотр»: их «никуда по улицам ходить не выпускали». Вместе с тем рассказчик сообщил и о таком интересном факте, связанном с посольством Макартни, как о нахождении в его составе ребенка: «Один мальчик небольшой выйдет из своего постоялаго дому, несколько оглядя вокруг строения или на кровлю взлезть, и на бумаге рисует. Однако сказывают, естли правда, тот мальчик, в свое место возвратясь, умер» [АВПРИ, л. 3—3 об.]. Речь шла, по всей видимости, об 11-летнем Томасе Стаунтоне (1781—1859), сыне английского ботаника и врача Джорджа Стаунтона (1737—1801), входившего в состав миссии Дж. Макартни. Томас Стаунтон стал впоследствии востоковедом-синологом и переводчиком.

Таким образом, разговоры сопровождавшего российскую духовную миссию в Пекин В.К. Игумнова с монгольскими и китайскими приставами по дороге из Урги в столицу Цинской империи ввели его в круг наиболее важных событий в жизни государства за последние несколько лет и стали ценным источником сведений о граничащем с Россией Китае.

Во время пребывания в столице Цинской империи, куда 8-я Российская духовная миссия добралась 27 ноября 1794 г. [Адоратский, гл. XII], круг общения В.К. Игумнова расширился и стал более разнообразным: теперь он соприкасался не только с китайскими и монгольскими приставами, но и с иезуитами. Это обстоятельство позволило Игумнову как проверить уже полученные им сведения, так и внести в них существенные дополнения. 22 декабря, «по прежнему знакомст-

ву», российский пристав навестил португальского иезуита Бернарда¹, имевшего чин третьей степени² и носившего на шапке знак синего камня³, а также бывшего членом Математической коллегии.

К тому же, по утверждению Игумнова, иезуит получил повышение в чине за участие в качестве переводчика с латинского и китайского языков на аудиенциях цинского императора с английским послом в августе 1793 г. Российский пристав, принятый иезуитом «дружески с ласкою как старый друг», имел с ним беседу, во время которой Бернард по своей инициативе объявил, «что-де помянутого году был здесь в Пекине англинской посланник Марко Девт, которой-де бывал и в Петербурге, англинскому королю родственник. В числе при нем всего около ста человек, квартиру он имел сам с некоторыми людьми за городом Пекином, завоном по-китайски в Хайтине, а другая часть свиты его квартировала в Пекине» [АВПРИ, л. 8—8 об.]. Просьбы английского посла к китайскому императору, в изложении иезуита Бернарда, совпали с тем, что уже слышал Игумнов, но с небольшими дополнениями: «Близ полуострова Макао дозволить им для торговли поселиться на небольшом острову.., чрез Кантон по почте дозволено бы было иметь со оставшим их агентом свободную переписку». Относительно же содержания английской миссии и отношения к ней императора Игумнов не узнал от иезуита ничего нового [АВПРИ, л. 9—9 об.].

Затем российский пристав нанес ответный визит иезуитам «северного костела»⁴ Пойроту Алоезию⁵ и Николаю Ро, приезжавшим к нему в российский посольский дом 28 декабря. Одним из вопросов, затронутых иезуитом Пойротом в разговорах, был и вопрос об английском посольстве. По словам В.К. Игумнова, дополнением к

¹ По всей видимости, В.К. Игумнов имел в виду Хосе Бернардо де Алмейда (1728—1805), с 1796 по 1805 г. возглавлявшего императорскую Палату астрономии в Пекине (см.: [Дубровская Д.В., с. 190]; [Agustin Udias]).

² Очевидно, это чин гуна, имевший три степени и входивший в число пяти титулов, которые жаловались чиновникам любой национальности, отличившимся в гражданской или военной службе. URL: // <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/63328> (дата обращения: 11.05.2024).

³ В Цинской империи шарики на головном уборе являлись знаком отличия чиновников ([Сидихменов В.Я., с. 40]).

⁴ По словам Н. Адоратского, «в северной коллегии жили французы».

⁵ Видимо, его Н. Адоратский в своем труде (см. библиографический список) называет престарелым о. Пуеротом и дает о нем такие сведения: «Ученый и трудолюбивый муж, переводил Библию на китайский и маньчжурский язык. Он считался секретарем собрания всех монастырей и занимал в Трибунале должность переводчика с латинского на маньчжурский язык в чине губернского секретаря».

тому, что он уже слышал от португальского иезуита, было следующее заключение француза: «Может быть, государь на некоторую прозьбу их и склонился бы, только главной их посол по здешнему обычаю не сделал на оба колена приклонения, а только на одно приклонился и тем свое дело испортил. Государя без удовольствия оставил» [АВПРИ, л. 10 об.—11].

Еще по пути в Пекин от китайского пристава В.К. Игумнов узнал о слухах относительно возможного приезда в столицу в текущем году каких-то других европейских посланников [АВПРИ, л. 4]. На встрече с иезуитом Бернардом эти сведения были конкретизированы. По словам португальца, иезуиты получили известие о скором прибытии в Пекин голландского посланника, «а с каким предложением, еще подлинного неизвестно, однако по дружбе с капитаном он, Бернард, не утаит» [АВПРИ, л. 9 об.]. Еще более интересную и подробную информацию об этом событии сообщили В.К. Игумнову французы, «что-де чрез два дни будут сюда в Пекин голландския посланники». Российский пристав так описал их разговор в своих секретных записках: «На то я спросил: “В великом ли числе и для чего?” Отвечали: “Человек 12 для поздравления Новаго года Его богдыханову величеству”. Я говорил: “Весьма глубокую политику ведут: ис такой дальней стороны едут поздравлять”. Иезуиты рассмеялись: “Правда, правда! Политика и, не менее что значит уповательно, о коммерции. Однако заподлинно еще не слышно, по приезде откроется”» [АВПРИ, л. 10 об.].

Далее сведения о голландском посольстве В.К. Игумнов вновь получил от навестившего его 8 января 1795 г. китайского пристава, который сопровождал миссию до Пекина. Он сообщил о 12 прибывших в Пекин голландцах, у которых «главный» начальник, по словам пристава, «государя поздравлял, подносил подарки: двое настольные часы, одни чотки средней величины» и прочие некоторые мелочи [АВПРИ, л. 12].

Однако, помимо этих данных, безусловно достоверные факты о голландском посольстве предоставил мещанин Федор Щегорин. Он состоял писарем в сопровождавшей российскую духовную миссию команде В.К. Игумнова, по «словесному» приказанию которого проник на территорию голландской миссии с помощью знакомого главного придворного евнуха. О выполнении этого поручения Ф. Щегорин доложил в секретной записке, сообщив следующее: «Был я введен под видом китайца помянутым голландцам сперва в дом по улице близ дворцовых западных ворот..., где увидел я трех из оных разговаривающих с иезуитом, в Пекине пребывающим, на неизвестном мне языке. Они одеты по-европейски и на всех камчатских боб-

ров шапки из того же и верхушки. При входе моем, хотя им и сказано было, что я россиянин, однако ж они, поглядев только на меня пристально, ни слова мне не сказали». Через четверть часа Ф. Щегорин перешел в другой дом на той же улице, где, по его словам, он увидел голландских «начальников», «коих было двое», и еще пятерых голландцев. Кроме того, там присутствовали китайские чиновники разных степеней в количестве около 50 человек, «как в покое с посланниками, так и перед оным в другом». «Оттоле был я еще провожен, — далее сообщил Щегорин, — в покой чрез двор для просмотра двух столовых часов, кои поднесены были в числе других вещей государю, а возвращены для починки» [АВПРИ, л. 14 об.]. Выйдя оттуда, он увидел подготовленные к отъезду (который произошел в тот же день) экипажи: «для тягостей 38 больших китайских кладяных телег» [АВПРИ, л. 15].

Секретные записки отразили и высказывания разных сторон относительно значения в тот период для Цинской империи торговли с голландцами и англичанами. Беседуя с В.К. Игумновым, китайский офицер Чан Лой сообщил о якобы распоряжении богдыхана «с нынешняго времени с приезжающих на кораблях в Кантон» англичан и голландцев не брать пошлин, как и с россиян [АВПРИ, л. 13].

В.К. Игумнов обратил внимание китайского офицера на то, что «англичане и голандцы более свой предмет имеют к золоту и серебру, чай берут небольшую препорцию, а шелковых и бумажных товаров совсем им ненадобно». Беспшлинная торговля, по его мнению, безусловно, была выгодна для англичан и голландцев. Однако они не могли привозить «для удовольствия Китайскаго государства» те товары, которые шли через Кяхту из России. Китайские же подданные от промена (особенно бумажных товаров) имели немного доходов, и вследствие этого англичане и голландцы вряд ли могли, по мнению В.К. Игумнова, усилить свои торги в Кантоне и «снабдить Китайское государство» всеми товарами. Китайский офицер согласился с доводами российского пристава и сделал следующее заключение: «Это правда, обоим государствам большая польза в кяхтинском торгу, нежели в кантонском. Золото и серебро для государства более нужно, а для народа большая прибыль в променах продуктов, где что родится» [АВПРИ, л. 13 об.].

В.К. Игумнову возможность проверить сообщение об отмене пошлин для голландцев и англичан представилась во время беседы с навестившим его португальцем Бернардом, который уведомил об отъезде голландских посланников из Пекина (4 февраля) и отметил особенности их дипломатического церемониала на приеме у китайского

императора. В отличие от англичан, по заключению португальского иезуита, голландцы «честь делали Его богдыханскому величеству..., припадая на колени, кланялись, подносили свои подарки и от богдыхана довольно жалованы разными вещами» [АВПРИ, л. 15 об.]. В связи с этим Игумнов поинтересовался о том, «не было ли в пользу их нации какой от них прозбы?». В ответе на этот вопрос Бернард исходил из имевшихся сведений о намерении голландцев «нечто просить» и отказе им в этом китайским главным министром. А на прямой вопрос русского пристава о том, платят ли пошлину торгующие в Кантоне европейцы, Бернард ответил, что все платят [АВПРИ, л. 15 об.—16].

Подробности, связанные с пребыванием голландцев в Пекине, российский пристав узнал из другого источника — от французского иезуита Николая Ро, который навестил их в посольском доме. Иезуит отметил тот факт, что голландцев никуда не выпускали, «хотя не так строго смотрели, как на бывших же здесь в прошлом году англичан», а их просьба о кантонском торге не была удовлетворена. Во время приема у императора по случаю Нового года, по словам французского иезуита, «голландской посланник даже ниже посажен был данника Танцинской империи корейскаго главнаго чиновника». Основываясь на своих наблюдениях, иезуит Николай заключил, что «весьма голландцам оно было прискорбно» [АВПРИ., л. 18—18 об.].

Ряд событий из жизни Цинской империи, вызывавших интерес у русского пристава, также нашел отражение в рапорте (от 12 ноября 1795 г.) и записке ученика 7-й Российской духовной миссии (1781—1795) А. Владыкина¹. К ним относятся упоминания о войне, которая велась, по его сведениям, в помощь Панчен-ламе «в земле Балбутской (близ Тибета на западо-южной стороне)»² [АВПРИ, оп. 62/3, 1792, д. 1, л. 245], о прибытии в Пекин английского посла лорда Дж. Макартни [АВПРИ, л. 249] и голландского посланника [АВПРИ, л. 249]. Осведомленность А. Владыкина в вопросах, связанных с этими историческими явлениями, объясняется как разнообразием его контактов за 14-летний период пребывания в столице Цинской империи, так и тем, что он был переводчиком с латинского и китайского языков в беседах В.К. Игумнова с иезуитами [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 8, 10 об.]. Представленные А. Владыкиным и

¹ Владыкин Антон Григорьевич (1757—1812) — калмык по национальности, единственный из учеников 7-й Российской духовной миссии вернувшийся на родину. По возвращении в Россию получил чин коллежского асессора и был назначен переводчиком в Коллегию иностранных дел.

² Имеется в виду война 1792 г. Цинской империи с народом, названным в секретных записках Игумнова «гачи балбу».

В.К. Игумновым в Коллегию иностранных дел материалы подтверждали содержавшиеся в них сведения.

Таким образом, собранные приставом В.К. Игумновым, по словам Н. Адоратского, «разные рассказы» католических миссионеров¹ [Адоратский, гл. XII] на самом деле создавали впечатление об отношении, довольно высокомерном и отстраненном, цинских властей как к английскому и голландскому посланникам, так и к государствам, которые они представляли. А для российского правительства эта информация имела несомненную ценность при дальнейшей разработке стратегии политических и экономических связей с Цинской империей, поскольку российско-китайская торговля, сосредоточенная в тот период в Кяхте, была выгодна для казны и находилась под пристальным вниманием императрицы Екатерины II и ее окружения.

Полученные сведения подтвердили тот факт, что сложившаяся к 1759 г. кантонская система торговли Китая с европейцами оставалась неизменной до конца XVIII в. Несмотря на предложение английского посланника Дж. Макартни китайской стороне об увеличении мест торговли, она по-прежнему была сосредоточена в одном порту — Гуанчжоу (Кантоне) на крайнем юге Китая [Всемирная история, с. 464, 482]. А европейские посольства, независимо от того, совершали ли их послы по китайскому дипломатическому этикету обряд *коуту*² перед китайским императором или нет, воспринимались как посольства даннических государств.

Журнальные записки отразили и один из значимых эпизодов в истории Российской империи второй половины XVIII в. — бегство части волжских калмыков (в первую очередь торгоутов) в начале 1771 г. из России в завоеванную Цинской империей Джунгарию. Это событие В.К. Игумнов не смог оставить без внимания во время беседы с случайно встреченными им в лавке у китайского купца тремя торгоутами, приехавшими в Пекин для получения жалованья. Русский пристав поинтересовался тем, не захватили ли они с собой при бегстве русских людей. Один из торгоутов, которому на момент бегства было всего 17 лет, ответил следующее: «Был капитан Дудин и толмач

¹ Следует отметить, что эти «рассказы» были вознаграждены. Как написал В.К. Игумнов, «по согласию с Его высокопреподобием отцом архимандритом Софронием в разсуждении порученных ему и мне секретных обстоятельств полуденнаго костела иезуиту Бернаруду..., по обычаю здешнему, будто для поздравления Новаго года, от имени архимандрита и подарочной данной мне суммы подарено два соболя второй доброты по кампании Омской губерне, оба 10ъ руб., в шнуrowой книге записаны под № 25» [АВПРИ, л. 12 об.].

² Обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья.

Савка, коих они, отойдя от Волги-реки дней 10 без всякаго истязания не только отпустили, но еще и припасу им на дорогу дали» [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 16]. На замечание Игумнова о невозвращении этих людей в Россию торгоут предположил: «Может быть, в обратном пути от киргис или других народов побиты, или сами померли». Относительно своей жизни в Цинской империи торгоут сообщил, «что кочуют они ныне в Зенгорской земле около реки Или, против прежняго очень поправились и от богдыхана получают жалованье» [АВПРИ, л. 16 об.].

Другой торгоут, приехавший в Пекин также за жалованьем и встретившийся В.К. Игумнову у знакомого китайского купца, местами расселения своих соотечественников назвал вершины р. Иртыш и р. Или, отметив, что они «при хане своем, помянутом Обушиеве¹ сыне, довольно скотом разбогатели» [АВПРИ, л. 17]. А на вопрос русского пристава о капитане Дудине и его сыне торгоут ответил, что сын Дудина, Иван Петрович, служит при сыне хана Убаши, «а отец его капитан Дудин, когда везен ими был, бежал с дороги, и куда делся, неизвестно» [АВПРИ, л. 16 об.—17]. Свой интерес к судьбе капитана Дудина В.К. Игумнов объяснил знакомством с ним и отсутствием о нем в России каких-либо сведений. Китайская сторона официально отказала России в возвращении захваченных торгоутами россиян [АВПРИ, оп. 62/2. 1763—1773, д. 12, л. 207 об.], поэтому любая информация о них была ценной. Тем более что предпринятая в 1778 г. попытка поиска капитана Дудина оказалась безуспешной².

Дополнительные к ранее полученным сведения о внутренних проблемах Цинской империи В.К. Игумнов узнал от знакомого главного ламы Шанзабы и все того же китайского пристава, сопровождавшего российскую миссию. Одна из проблем была связана с возобновившейся войной с народом мяо (мио-одзы, миозы)³. Еще ученики 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781) описали в своем «Журнале секретных действий, намерений, случаев и перемен, быв-

¹ Имеется в виду хан Убаши (1744—1774) — наместник Калмыцкого ханства.

² Канцлер Н. Панин в письме к хану Среднего жуза Абляу сообщал: «по последним известиям слышно быть стало, что сей несчастной человек еще в живых и находится в киргизкайсацком народе. Ежли он, Дудин, употребемым с стороны Вашей старанием отыскан будет и освободится от жестокой своей участи, сие воспримется при высочайшей е.и.в. дворе к особливому удовольствию, и труд Ваш в том не только похвален будет, но зато и особливое Вам награждение учинено быть может с воздаянием и убытков, буде какия при том случились бы» // Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. Док. № 46.

³ Имеется в виду восстание 1795—1797 гг. за независимость мяо.

ших в Тайцинском государстве...» трудности, которые испытывала цинская армия в борьбе с этим народом (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2023, с. 73]) по причине его проживания в неприступных горных местах Юго-Западного Китая. Относительно их последних столкновений в провинциях Хунань и Гуйчжоу В.К. Игумнов узнал, что конфликты завершились победой китайской армии: «Города, прежде взятые миозами, обратно взяты, и они успокоены» [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 19]. Подтверждение этих слов Игумнов получил и от китайского пристава, упомянувшего к тому же и о войне с Непалом («байбунской войне»), во время которой он был в Тангуте¹ с китайским фельдмаршалом. Его сведения об этой войне совпали с ранее услышанными В.К. Игумновым по дороге в Пекин [АВПРИ, л. 19 об.—20].

Представление о востребованности определенных российских товаров на кяхтинском торге русский пристав за короткое пребывание в Калгане получил от трех знакомых купцов. «Из разговоров жалуются, — сообщил он, — что в торгу им прибыли мало, рухлядь² одешевела, а бумажные товары против прежнего у них весьма возвысились». Спросом у китайцев пользовались юфть³ и мерлушка⁴, «а горностаей совсем из употребления у них вышел» и, после открытия кяхтинского торгога⁵, у многих российских купцов остался на руках [АВПРИ, л. 20—20 об.].

По дороге домой⁶, едучи из Калгана, от одного из монгольских провожатых В.К. Игумнов услышал уже ранее сообщенную ему ламой Шанзабом информацию о том, что к китайскому императору в летнюю резиденцию г. Жехэ едет и прежде навещавший его сын киргизского хана с подарками [АВПРИ, л. 19, 21]. Таким образом, полученные из разных источников сведения вновь совпали, что дало основание Игумнову записать в своем журнале: «То же, что и вышеупомянутой Шанзаба сказывал, на правду походит» [АВПРИ, л. 21].

¹ Созданное народом тибето-бирманской группы в X в. Тангутское государство Си Ся на севере Китая в 1227 г. было разгромлено монгольскими завоевателями. Часть тангутов вошла в состав тибетцев Цинхая, другая — была ассимилирована монголами и китайцами.

² Мягкая рухлядь — пушнина, меха.

³ Юфть — сорт кожи, полученный в результате особой обработки шкур крупного рогатого скота, лошадей и свиней.

⁴ Мерлушка — мех из шкурки ягненка возраста до двух недель грубошерстной породы овец.

⁵ Приостановленная цинскими властями в 1785 г. кяхтинская торговля возобновилась через семь лет в 1792 г.

⁶ 21 мая 1795 г. В.К. Игумнов с членами старой миссии выехал из Пекина.

Далее по пути домой («едучи по Гобейской степи..., также и в Курене») «от разных приставов и провожатых мунгальских, а особливо прежних... знакомцев», выполняя предписание секретного наставления, пристав В.К. Игумнов разведал о настроении и состоянии монгольского населения. По его наблюдениям, «старья мунгалы»¹ были довольны своим состоянием, поскольку не платили податей, а только содержали по дорогам станции. Считавшиеся «новыми» монголами, «халхийцы»², входившие также и в пограничные караулы, были скотоводами и, по примечанию Игумнова, проезжавшего их места, «особливо между Кяхтой и Куренем», жили «богачее наших братских скотом». При этом в отдельных местах Гобейской степи было довольно «великих в скотах богачей, также и весьма скудных» [АВПРИ, л. 21 об.—22 об.].

Важная информация о состоянии дел в ургинской пограничной администрации заключалась в полученных В.К. Игумновым сведениях о скором замещении джасака³ его сыном, мать которого просила ургинских амбаней, «чтоб еще по молодости его лет, пока навыкнет, во отцовскую при Кяхте должность не определять». Но амбани выразили несогласие с ее мнением, заявив, что поскольку его отец с давних лет беспорочно служит на границе и «имеет из русских некоторых чиновников приятелей, и потому никаких важных дел по границе не происходило, то-де и сын его может также поступать и неотменно-де вскоре на то место будет определен» [АВПРИ, л. 23 об.—24].

Помимо предстоявшего назначения молодого джасака, произошла по границе «перемена нижних чиновников и рядовых», о чем В.К. Игумнов сначала услышал, а потом и увидел на дорожных станциях по пути из Урги в Кяхту. Изменения коснулись состава служащих как дорожных станций, так и некоторых караулов. Это было сделано, по сведениям российского пристава, «четырьмя халхайскими владельцами», «чтобы один пред другим в службе людей не нес излишняго» [АВПРИ, л. 24—24 об.].

Всем этим известиям В.К. Игумнов получил подтверждение в беседах с препровождавшим российскую свиту из Урги приставом туса-

¹ Старые мунгалы — завоеванные к 1636 г. маньчжурами жители Южной Монголии.

² Халха-монголы (халхийцы) — население Северной Монголии, историческое название которой Халха. В 1691 г. она была подчинена Цинской империей.

³ Джасак (дзасак, засак) (*монг.*) — : правитель феодального удела (хошуна) в Монголии. Джасак вместе с дзаргучеем (начальником пограничных служб и караулов) принимал участие в решении пограничных дел в соответствии с Международным актом о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.). — Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М., 2004. С. 57.

лакчи¹ Иренчином, о котором он сообщил следующее: «По делам секретным нашей стороне довольно известен и мне издавна приятель» [АВПРИ, л. 24 об.].

Таким образом, за довольно недолгое время пути пристава Игумнова с 8-й Российской духовной миссией в Пекин, пребыванием там и возвращением в Россию ему удалось не только собрать значимые сведения из разных областей жизни Цинской империи в конце XVIII в., но и в значительной степени проверить их, сопоставляя информацию из разных источников. «Журнальные записки» отразили процесс постепенного накопления и уточнения интересного фактического материала, на основании которого Коллегия иностранных дел получила достоверные данные о внутренних проблемах Китайского государства (эпидемия, подавление восстания народа мяо), о его внешних контактах (война с Непалом, прием английского и голландского посольств) и о кадровых изменениях в управлении пограничной зоной.

Библиографический список

Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/3. 1789, д. 1, л. 261; 1792, д. 1, л. 245, 249; 1794, д. 2, л. 1—25; оп. 62/2. 1763—1773, д. 12, л. 207 об.

Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 801 с.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М.: Крафт+ : ИВ РАН, 2001. 251 с.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

Саркисова Г.И. Из истории отечественного китаеведения: журнальные записки учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781) как источник сведений о Китае // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН. М., 2023. С. 69—24. DOI: 10.48647/ICCA.2023.32.13.007.

Саркисова Г.И. Роль пристава российских духовных миссий В.К. Игумнова в истории русско-китайских отношений второй половины XVIII в. (по архив-

¹ Тусалакчи (тусулакчи) (*монг.*) — помощник джасака по делам гражданского управления.

ным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. Вып. XXII. С. 369—284.

Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. Минск, Миринда, 2004. 445 с.

Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. 1038 с.

References

Adoratskiy, N. (1887). Istoriya Pekinskoj dukhovnoy missii vo vtoroy period yeye deyatel'nosti (1745—1808) [The history of the Beijing Spiritual Mission in the second period of its activity]. Vol. 2, *Kazan*, (In Russian).

Agustin Udias (1994). Jesuit Astronomers in Beijing, 1601—2805, *The Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society*, 35: 463—278.

Arhiv vneshej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*, Op. (Inventory) 62/3. 1789, D. (File) 1, L. (p.) 261; 1792, D. (File) 1, L. (p.) 245, 249; 1794, D. (File) 2, L. (p.) 1—25; Op. (Inventory) 62/2. 1763—1773, D. (File) 12, L. (p.) 207 об.

Dubrovskaya, D.V. (2001). Missiya iyezuitov v Kitaye [Jesuit mission in China], *Moscow: KRAFT⁺, IV RAS*, 251 p. (In Russian).

Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII—XIX vekakh (1771—1867). Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the XVIIIth—XIXth centuries (1771—1867). Collection of documents and materials], *Alma-Ata: Nauka*, 1964, 575 p.

Russko-kitajskie dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2004, [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], *Moscow: Monuments of Historical Thought*, 2004, 694 p. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2017). Rol' pristava rossijskikh dukhovnykh missij V.K. Igumnova v istorii rossijsko-kitajskikh otnoshenij vtoroj poloviny XVIII v. (po arhivnym materialam) [The role of the bailiff of Russian Orthodox Missions V.K. Igumnov in the history of Russian-Chinese relations in the second half of the XVIIIth century. (based on archival materials)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. [China in world and regional politics. History and modernity], *Moscow: IDV RAN (IFES RAS)*, Iss. XXII: 369—284 (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2023). Iz istorii otechestvennogo kitajvedeniya: zhurnalnye zapiski uchenikov 6-y Rossijskoj Dukhovnoy missii v Pekine (1771—1781) kak istochnik svedenij o Kitaje [From the history of Russian Sinology: journal notes of students of the 6th Russian Orthodox Mission in Beijing (1771—1781) as a source of information on China], *Istoricheskiye sobytija v zhizni Kitaya i sovremennost'*. *Materialy nauchnoj konferentsii Tsentra sovremennoj istorii Kitaya i yego svyazey s Rossiyej*. [Historical events in the life of China and modernity. Proceedings of the scientific conference of the Center for

Contemporary History of China and its Relations with Russia], Moscow: IKSA RAN (ICCA RAS): 69—24 (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.32.13.007 (In Russian).

Sidikhmenov, V.YA. (2004). Man'chzhurskiye praviteli Kitaya [Manchu rulers of China], Minsk: *Mirinda*, 445 p. (In Russian).

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia], Moscow: *Soviet encyclopedia*, 1967: Vol. 10, 1038 p. (In Russian).

Vsemirnaya istoriya. T. 4. Mir v XVIII veke [The World History. V. 4. World in the XVIIIth century], Moscow: *Nauka*, 2013. 801 p. (In Russian).